

# БИБЛИОГРАФИЯ ВОСТОКА

Выпуск 5—6

(1934)

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ  
АКАДЕМИИ НАУК СССР

1954

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР • ЛЕНИНГРАД

**Американский роман о китайской деревне.**

Pearl S. Buck. *The Good Earth*. New York. The John Day Company. Second printing, March 1931... Thirteenth printing, October 1931; pp. 375. (Пээл С. Бак. Добрая земляца).

О китайской деревне, с ее сложною, хотя, в общем, более понятною жизнью, чем жизнь китайского городского общества, писало довольно много лиц, так что можно уже сейчас составить некоторую библиографию этих статей и книг в дополнение к «Китайской библиотеке» (*Bibliotheca Sinica*) Кордье. Главными европейско-американскими бытописателями китайской деревни были, как и следовало ожидать, христианские миссионеры, особенно английские и американские, описывавшие своих «пасомых», среди которых они жили, весьма старательно, но, конечно, с обязательною снисходительностью и прочими отличительными приемами, продиктованными тою брезгливой отчужденностью, которая так характерна для этих людей.<sup>1</sup>

Среди этой толпы пишущих писателей надо выделить наиболее известного, наиболее плодовитого и в общем наиболее литературного миссионера Смиса (A. H. Smith), который в своих книгах<sup>2</sup> дал едва ли не лучшие для своего вре-

<sup>1</sup> Католические миссионеры, особенно французы, живут иначе, но они, насколько мне известно, книг о китайской жизни и деревне, особенно книг для легкого чтения, не пишут (есть исключения).

<sup>2</sup> Последние, правда, более политического характера, чем бытового. «*The Uplift of China*», «*A Chapter of Experience in China*» (1916) и др.

мени описания китайской деревни, притом не только дореволюционного времени.<sup>1</sup>

Не упоминая пока о других,<sup>2</sup> следует признать, что наиболее интересными являются описания самих китайцев, сделанные, правда, для иностранцев, и так же, как английские, не лишены рисовки и подрисовки, — хотя и по другим мотивам и в другом стиле, — но далеко превосходящие иностранцев и знанием и ясным пониманием описываемого.<sup>3</sup> Едва ли не лучшею из них надо признать автобиографию Дэн Ши-хуа, появившуюся на русском языке<sup>4</sup> и почти сейчас же переведенную на немецкий. К сожалению, транскриптор и редактор этой весьма искренней и любо-

<sup>1</sup> Среди них также очень популярна в иностранных кругах Китая чета Арчболд Литтл (Mr. & Mrs. Archibald Little), написавшая целый ряд книг для чтения о китайской деревне и китайском обществе («*My diary in a Chinese Farm*», «*China. Curious (sic!) Customs and Habits of the People*», «*Intimate China*», «*The Land of Blue Gown*»...).

<sup>2</sup> Такова, например, его книга «*Chinese Characteristics*» выдержавшая ряд изданий, и особенно: «*Village Life in China*» отвечающая на тему полностью.

<sup>3</sup> Такова, например, превосходная во многих отношениях книга Ли Яньпу (Jan Phou Lee, *When I was a boy in China. Illustrated from photographs*. London, 1922), о которой мне приходилось уже писать и которая подкупает своею искреннею правдивостью; а равно и более серьезная: «*Village and Town Life in China*. By J. K. Leang and L. K. Tao. London, 1915», отчет о которой не удалось напечатать своевременно. Положительно, эти обе книги следует рекомендовать всякому начинающему китаисту, особенно из тех, что строят свое знание Китая на его понимании.

<sup>4</sup> Третьяков С. Дэн Ши Хуа. Био-интервью. Москва, 1930. Книга рассказывает о деревенской обстановке, в которой Дэн вырос, о революционной карьере его отца и, наконец, о его собственной.

пытной, хотя и крайне поверхностной книги, принял все зависящие от него меры, чтобы ее испортить своим непрошенным и ничем не оправданным вмешательством, которое особо отчетливо чувствуется китайстом и, к несчастью, может несправедливо импонировать неспециалисту.

Все эти книги были более или менее удачны, но их распространение и успех не выходили за пределы Дальнего Востока и его читателей;<sup>1</sup> во всяком случае это было не что иное, как более или менее добросовестные книги, более или менее относившиеся к этнографии, да и то любительской. Рецензируемая книга представляет собою нечто весьма отличное от предыдущих.

И прежде всего, эта книга неслыханного доселе успеха. Тринадцать изданий в семь месяцев (по два в месяц) для книги о китайской деревне, насыщенной совершенно чуждыми для читающей американской публики подробностями китайской жизни — явление действительно неслыханное.<sup>2</sup> Любезно приславший мне эту книгу американский синолог говорит в сопроводительном письме, что эта книга вызвала вокруг себя много оживленных суждений. Очень жаль, что я не могу сейчас проследить критическую о ней литературу за 1931 и следующие годы на английском языке и буду судить о ней пока вне связи с предыдущими критиками.

Автор книги, женщина, Пёэл С. Бак (Pearl S. Buck), жила и живет в Китае все время, за исключением учебного периода, проведенного в Америке. Она

<sup>1</sup> Правда, книга о Дэн Шихуа нашла себе отклики и в Европе, но, пожалуй, исключительно на правах экзотического чтения, обработанного и обрабатывающего читателя в порядке эфемерной прессы, быстро исчезающей, хотя и возобновляемой.

<sup>2</sup> Надо к этому прибавить, что роман уже стал добычей кинематографа.

занимается в Китае педагогической деятельностью и сама изучает Китай. До этой книги она написала также произведшую большое впечатление книгу «Восточный ветер — Западный ветер» (East wind: West wind), о которой газетный рецензент писал, что «это — Китай, жизнь в Китае... незабываемая атмосфера... запах и чувство китайского города, китайской улицы, китайского двора». Было бы лучше говорить о настоящей книге после прочтения той первой, но я этой возможности, к сожалению, лишен.

Книга говорит о милой, родной, дорогой земле, на которой родился бедняк Ван Лун, и за которую он боролся со всеми невзгодами, дошедшими вследствие голода и революции до страшных размеров. Случайное обогащение не оставило его в городе, а направило снова к ней же, к родной земле, которая теперь принесла ему и богатство и счастье. Земля, земля — только земля, только в ней подлинный смысл жизни, твердит Ван, но его сыновья уже заражены городом и над стариком смеются.

Вокруг этого фетишизма земли, и страшной и отрадной, вырастают у автора сложные картины деревенской жизни Китая и крестьянских взаимоотношений, картины дикого, неистового голода, невероятной жизни, редких приключений, которые вплелись, тем не менее, в повесть совершенно естественным порядком.

Получается необыкновенно полное и стройное впечатление о вещах, бывших для неспециального читателя доселе дикими, недоступными и непостижимыми. Книга является как бы совершенно новою и неожиданною. Ее успех понятен.

При оценке этой книги китайсту полагается, прежде всего, стать на точку зрения синологическую и рассмотреть,

насколько эта книга нова и ценна тому, кто так или иначе знает Китай, — во всяком случае, его долго изучал, — жил в нем как в городе, так и в деревне. Является ли все это *quasi una fantasia* и дилеттантским размазыванием скудной экзотики, или эта книга приходит действительно на помощь синологической информации?

Автор, повидимому, китаистка, взявшаяся за текст, независимо от естественного владения разговорным языком, который у родившихся в Китае европейцев и американцев, вообще, является языком детства, легко укореняющимся на правах родного. Во всяком случае, у меня в руках два тома её перевода знаменитого китайского романа Шуй ху чжуань («Речные заводи»), — явление в синологической переводной литературе весьма примечательное, и о котором я собираюсь дать отчет в ближайшем будущем.<sup>1</sup>

Надо сразу же сказать, что китаист читает эту книгу с удовлетворением, считая, что в ней незаметно нарушения правды изображаемых вещей (если только не требовать от книги того, чего в ней, вообще, нет). Нет искусственно выпяченных деталей, имеющих подействовать на экзотически настроенного читателя, и, вообще, в ней, прежде всего, нет экзотики, а это для подобных книг, по-моему, достоинство исключительное.

Конечно, это скорее роман, чем отчетная этнография, но картинность, все же, слита с поучительностью и наглядность с серьезным пониманием вещей, которое китаист может с благодарностью принять. Знание китайской деревни, во

всяком случае, у автора необыкновенное, и оно вряд ли было бы доступно приехавшему в Китай, хотя бы для самых серьезных наблюдений. Все это как бы перевод на европейский язык китайских вещей, лишенный дословного убожества и погони за словарными оттенками.

Однако, это, все-таки, не китайская книга, ибо китаец скомпановал бы все эти вещи иначе. Вопрос лишь в том, что нам предпочесть: китайского ли современного автора, пишущего китайскими иероглифами, которые отражают древнюю жизнь языка и общества, но на языке, от этой жизни освобождающемся и имеющем в виду подражание европейцам, — или автора европейского, пишущего полноправным английским языком, но о китайских вещах, которые этот язык также не очень-то приспособлен называть. Мне кажется, что здесь даже может и не быть речей и вопросов о предпочтении, и от этой книги нам надо взять только то, что она может и хочет дать. Автор, конечно, не жил сам в той китайской вонючей хате, которую он описывает, и все его наблюдения сделаны со стороны, но и сгущения красок, столь свойственного европейцам, остро реагирующим на китайские запахи, у него также нет.

Одним словом, книга написана сдержанно и добросовестно.

С другой стороны, автор не удручает читателя из широкой публики, для которого книга предназначается, обилием изученных им деталей и этнографических выписок, хотя, повторяю, ясно, что он хорошо знаком с китайским бытом. Постоянная умеренность в описании всего, кроме поэзии земли, на которой вся книга построена, также отняли у автора столь присущее его коллегам удовольствие сосредоточиться на вычурных подробностях деревенских религиозных культов,

<sup>1</sup> All Men Are Brothers (Shui Hu Chuan). Translated from the Chinese by Pearl S. Buck. (Китайские иероглифы древнего почерка: Шуй ху чжуань). The John Day Company, New York. Second Printing. October 1933. Third Printing, November 1933. — Стр. XIII + 1279. 8°.

с их сложною титулатурой. Но что он с ними знаком, это также вполне ясно, так что и с этой важной для бытописателя стороны книга надежна.

То же чувство меры подсказало автору воздержание от миссионерских славословий и специфических подходов к описанию. Эпизод с христианской книгой и миссионером дальше эпизода не идет и не имеет в виду растрогать соответствующего читателя, плюющего свои многочисленные лепты на содержание многочисленных американских миссионеров.

Таким образом, и для нетребовательного читателя из широкой публики и для требовательного китаиста эта книга настоящая находка, и я не отказался бы ее рекомендовать начинающему китаисту, который привыкает читать книги о Китае, сгущающие все учебные подробности сразу, и не дающие ему, так сказать, дышать.

Для полноты картины я позволю себе взять здесь же на себя также роль, для меня необычную, и литературного критика, тем более, что субъективный элемент оценки этой необыкновенно приятной книги может быть умерен, если не вовсе парализован, эпиграфом к ней из Пруста, который я воспроизведу в переводе с английского, т. е. с версии, импонирующей и автору и американскому читателю:

«... Вот что Вэнтэй сделал для маленькой фразы. Сван чувствовал, что композитор был доволен, когда (с теми инструментами, что были в его распоряжении) он отвел от нее вуаль, чтобы сделать ее доступной зрению, ведя с почтением за ее рисунком свою руку, такую любящую руку, столь разумную, такую тонкую и столь уверенную, что звук изменялся каждое мгновение, затушевывая себя для обозначения оттенка, и вдруг

прыгая снова в жизнь, когда ему нужно было итти по какой-то кривой, какой-то более смелой проекции. И доказательством того, что Сван не заблуждался, веря в подлинное существование этой фразы, было то, что всякий с тонким музыкальным ухом сразу обнаружил бы обман, если бы Вэнтэй, который не был одарен такою же силой, чтобы видеть и передавать ее формы, — если бы он пытался скрыть (добавляя штрих то там, то здесь, по своему усмотрению) неясность своего видения или же слабость своей руки» (Марсель Пруст, «Путь Свана»).

Это настроение постоянного полутона и поиска фразы, повинующейся видению, действительно доминирует в книге, которая, таким образом, получила в виде обширной ритмической эпопеи, единая и особенная. Совершенно понятен ее успех: ведь, в ней чувствуется и знаток и художник едва ли не на равных правах. Они создали вместе с особенным мерным темпом речи общую закономерность, обаянию которой невольно подчиняешься. В ней нет грубых писательских ухваток: ни сквозной и яркой интриги, ни потрясающих характеров, но связь событий в небольшом масштабе и без всякой крикливости свела концы с концами, словно, действительно, повинуюсь какому-то первичному видению. Все дело в полутоне, но все досказано до конца, и даже дешевые по существу своему сексуальные моменты поданы читателю все в том же общем полутоне, без призыва и без прюдистского умолчания. Самый выбор слов и самая расстановка их являются как-то слитыми с общою сущностью вещей, исходящих из серых и трудных будней китайской деревни, и другого, как будто, тона не предполагающих. Но его надо было изобрести...

Издана книга также в прекрасной скромности, без крикливых картин (если не считать обложки, которая сама по себе не плоха) и всё замораживающих фотографий. К чему картины, при подобном прустовском умении и настроении? Все это делает книгу едва ли переводимой на русский язык. К тому же, идеология жадного собственника вряд ли встретила бы сочувствие советского читателя, какой бы поэтизации она ни подвергалась.

Когда эта рецензия была уже набрана, мне удалось случайно познакомиться с одной китайской рецензией на эту книгу в журнале «Голи У-Хань Дасио Вэньчжэ цзикань», с английским подзаголовком: «Quarterly Journal of Liberal Arts. Wuhan University, Wuchang, China. Vol. II, № 1. 1931».

Рецензент, скрывшийся, к сожалению, за ничего не говорящим псевдонимом, посвящает этому литературному событию довольно много (среди прочих рецензий на европейские книги о Китае) места (стр. 191—198). Я изложу его рецензию в ее же порядке. Прежде всего, любопытно, что передать сентиментальное название романа «The Good Earth» сентиментальным же порядком рецензенту не удалось, ибо его Хоу Ту имеет совершенно другой, — скорее всего религиозный оттенок («Владычица Земля»).

Он, как и следовало ожидать, считается, прежде всего, с фактом совершенно исключительного успеха этого романа и иронически замечает, что «вообще хвалить — это одно, а констатировать успех — это другое. И перед таким успехом мы должны замереть в безмолвном удивлении — только».

Для автора, он допускает, и то с чужих слов, что она «не только умеет по-китайски говорить, но и читать газету и повествовательную литературу (сяо шо).

Ясно, — замечает рецензент, — что от такого автора мы вправе ожидать несколько более глубокой провинциальности во все стороны китайской жизни и соответственно более серьезного ее описания, чем от других. И действительно, самое малое, что можно сказать о ее книге, это то, что такую книгу никак не мог написать человек, не живший в Китае долго».

В этих строках уже можно отчасти предугадать отношение рецензента к разбираемому материалу.

Для лучшей характеристики автора он берет на себя труд пересказать содержание первой ее книги «Восточный ветер — Западный ветер» (East Wind, West Wind),<sup>1</sup> о которой я мог лишь упомянуть, и теперь пользуюсь случаем, со слов рецензента, кратко о ней сообщить, ибо точно также думаю, что, несмотря на слишком явную разницу в сюжете и его обстановке, обе книги имеют общее и по характеру письма и по настроению автора, живущего, как никак, в совершенно новом Китае.

Как указывает само название этой первой книги автора, речь идет о столкновении в современном Китае двух «ветров», восточной и западной культур, старой китайской чинной выправки («перемоний», липзяо) и европеизма (оухуады гуаньянь). Для этой цели автор сталкивает на страницах своего романа и в пределах одной, а затем и второй семьи представительниц старого китайского сурового семейного уклада, молодую и старую, с американизированными студентами. Это столкновение, повидимому, описано весьма живо и убедительно тем более, что в таком элементарном построе-

<sup>1</sup> Другие ее книги, как например «Сыновья», «Первая жена» (The First Wife), «Мать» и другие рецензенту, равно как и мне лично, очевидно, остались неизвестными.

нии вещи сами за себя говорят. Молодой муж, конечно, сразу же начинает убеждать свою насурмленную, качающуюся на крошечных, изуродованных в бингах ножках жену в том, что он не собирается сделать из нее свою собственную вещь, как это принято в старом Китае, а, наоборот, дает ей полное равноправие и требует, чтобы она осуществила это новое для нее положение немедленно. Конечно, она не понимает, чего от нее хотят, обижается, в молодой семье разрыв, недоразумения, осложненные приездом новой четы — брата несчастной молодой, женившегося на американке, которая, конечно, вносит в строго доселе патриархальную семью окончательное разложение ее уклада... В китайской переделке трудно уловить за фабулой литературную жизнь романа, но дело, в общем, ясно и ясно также, чем это все кончится: «западный ветер» торжествует.

Уже в этом романе рецензент отмечает некоторую натянутость положений, которые, оставаясь незамеченными для читателя-европейца, привычного к такой фактуре, неприятно поражают читателя-китайца, который, как он указывает, вряд ли поверит, чтобы какая-нибудь китайская теремная затворница старого типа и воспитания могла в такой подробности изложить свою интимнейшую жизнь кому-либо вообще, а тем более иностранке, которой ее lamentации и жалобы на новые порядки могли бы быть только смешны, в особенности, когда они приправлены саркастическими характеристиками синеглазых, рыжих, потных и т. д. западных женщин, внушающих исповедующейся у одной из таких слушательниц ужас и отвращение.

Таким образом, китаец-критик оказался чрезвычайно полезным общей

оценке имеющего у американской публики неслыханный успех произведения, и остается лишь пожалеть, если его голос до нее не дойдет в чем-либо переводе или пересказе.

Не менее полезен он и в оценке «The Good Earth», которая на этот раз в полной его компетенции и не основана на каком-либо шовинистическом предубеждении, например, против возможности интимного сближения китайки с европейской женщиной.

В этом романе он, наоборот, видит более удачное, выдерживающее критику построение. «Заслуживает всякого уважения — говорит он — наш автор, сумевший занять 370 страниц компактного текста рассказом о столь простых вещах, что пересказать их в порядке фабулы можно едва ли не в одной строке — притом без всяких длинот и без всякой разбросанности. Эти простые вещи всем известны, всегда и всюду имели место, и автору удалось точно и метко описать под одним Ван Луном многие миллионы китайских сельских хозяев-приобретателей, зависящих всецело от своей земли. Мы читаем его историю, как эпопею, читаем с большим волнением и чувством, особенно благодаря стилю, в котором есть нечто библейское: простота без пошлости, деталь без мелочности».

Поскольку в «Западном и восточном ветре» автору удалась лишь одна фигура, а остальные напоминают «тени на оконной бумаге», постольку в этой эпопее все фигуры гораздо жизненнее, хотя и под ними не трудно порой угадать неживых манекенов, которыми, как марионетками, в нужные ему минуты играет как хочет автор. Ведь, хотя миссис Бак родилась и выросла в Китае, но не в китайской обстановке, и вряд ли при таких условиях могла она мыслить и жить вместе со своими персонажами, так что,

даже если она и жила в Китае дольше, чем я, — прибавляет рецензент, — у ней все же попадают резкие недоразумения (гэмо), для китайца смешные, вроде например «лунных лепешек», даримых на новый год (вместо восьмой луны), родственников старших и младших, живущих в одном городе и никогда не видящихся (что у китайцев, действительно, невероятно) и т. д.

Я не знаю, — сознается критик, — какое место в литературе должна занять книга миссис Бак, но факт, что она ею «оставила все предыдущее несуществующим» и ни с кем из писавших о Китае не сравнима. Однако, мне понятен, — говорит он, — и весь ее успех у англо-американской публики. Ведь то, что до сих пор писалось западными авторами о Китае, были рассказы о китайцах-сфинксах, причудливых и непонятных. Китайцы же романа миссис Бак — люди, как люди: не едят, так голодают, не одеты — холодают. Их можно до конца понять, хотя в то же время, по сравнению с читателями, они всегда остро новы.

Ее персонажи просты, немногочисленны, несложны, не загромождены трудными именами и названиями, которыми любят щеголять другие европейские авторы.<sup>1</sup> Ее рассказ прост, не занят мелочными и скучными подробностями,

так что читатель наслаждается свежою новизной без всякого предварительного удручения и сложных поучений.

Не удивительно — заканчивает критик — что книга, как говорят у нас, «движется без ног».

Я думаю, что рецензия, мною реферированная, этого заслужила. Автор ее показал себя, мне кажется, китайским читателем весьма совершенного типа. И, если исключить, с одной стороны, его право столь строго судить книгу миссис Бак за не-интимность ее слияния со своими персонажами (как будто в китайских романах так-таки уж везде все живет без авторских приспособлений), с другой же — если поставить ему в вину слишком этнографический подход к произведению, управляемому превосходной прустовской мелодией (а не евангельским сказом, как он думает), к которой он остался не чуток, можно, я думаю, и другим получить от этой рецензии такое же удовлетворение, какое получил писавший эти строки, и не удивляться тому, что эта книга миссис Бак в течение одного только 1933 года вышла в Китае в двух отдельных переводах (под названием, опять неудачным, Да Ди «Великая Земля»).

*В. Алексеев.*

<sup>1</sup> В предисловии к своему переводу Шуй ху чжуань, о котором я уже говорил, переводчица говорит определенно следующее:... «Когда вы будете читать эту книгу, забудьте о ней, как о книге. Думайте о ней, как о великой человеческой процессии. Не старайтесь запомнить имена появляющихся перед вами людей, или же названия мест, ими посещаемых. Просто смотрите, как

они перед вами проходят и дайте им запечатлеться в вас самим по себе. Если они не производят на вас впечатления, пусть проходят себе дальше. Не старайтесь читать каждое слово или видеть все решительно...» А собственных имен в этом романе, как известно, невероятное множество. Китаец, не читавший этого предисловия, верно угадал идею автора.